
ГЛАВА 13

«НОВАЯ ПАРАДИГМА» СОЦИАЛЬНЫХ НАУК: ЛИНИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО КОНСТРУКТИВИЗМА¹

В последнее время в социальных науках много говорится об оформлении *новой исследовательской парадигмы*, основанной на эпистемологии, этике и методологии, существенно отличных от тех, на которых строятся традиционные академические исследования. Появление этой парадигмы связывают с влиянием идей постструктурализма, постмодернизма, нарратологии, герменевтики, диалогической философии, феноменологии, различных вариантов неомарксизма, критической теории, феминистских теорий. Центральное влияние в формировании новой парадигмы отводится конструктивистским теориям, вызревшим в ряде конкретных наук (психологии, социологии, нейробиологии, кибернетике), отчего ее нередко так и называют – *парадигмой конструктивизма*, или *конструктивистской парадигмой*. Данная статья представляет собой анализ и систематизацию конструктивистских теорий и того их воплощения, которые они нашли в исследованиях социальных наук.

История понятия «конструктивизм»

Понятие «конструктивизм» становится модным и общеупотребительным в философии и науке. Отсутствие работ по истории данного направления оставляет свободу для интерпретаций термина. Это приводит, например, к усмотрению позиции конструктивизма в учениях древних греков, в классической немецкой философии, в советском мировоззрении начала века и т.д. Неразбериху вызывает и использование схожих по написанию и смыслу понятий: «конструктивизм», «радикальный конструктивизм», «социальный конструкционизм». Для того чтобы внести строгость в обсуждение этих вопросов, определим границы понятия «конструктивизм» и круг тех теорий и имен, которые к нему относятся.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 08-06-001-176.

Понятие «конструктивизм» сегодня употребляется в науке и философии в двух значениях: в широком смысле – как обозначение новой оформляющейся парадигмы исследований в социальных науках со своей онтологией, эпистемологией, методологией и этикой¹; и в узком – как название конкретного направления в психологии и социологии (Пиаже, Келли, Брунер, Бергер, Лукман и др.), являющегося составной частью этой парадигмы. Впервые само понятие конструктивизма было использовано при обсуждении проблем теории познания в работах Ж. Пиаже и Дж. Келли в 1950-е годы. Полноправно же оно вошло в обиход и приобрело статус понятия, обозначающего определенную эпистемологическую позицию, после статьи П. Ватцлавика в сборнике 1981 года «Изобретенная действительность»².

Сами сторонники конструктивизма отмечают небезупречность данного понятия. В частности, П. Ватцлавик считает его неудачным, потому что оно одновременно обозначает направление в советской живописи и архитектуре начала 20-х годов³. Некоторые отечественные авторы поспешили найти связь между этими направлениями, что привело к представлению о едином конструктивистском движении в науке и искусстве и даже к рассмотрению советского конструктивизма в качестве предтечи и художественного предвосхищения эпистемологии конструктивизма, хотя ни в историческом, ни в идейном смысле они никогда не были связаны. Любое более или менее близкое знание обоих показывает, насколько опрометчиво искать аналогии между понятием конструкции в *конструктивистском искусстве* с его «машинной эстетикой», с его формализмом, механистичностью, абстрактностью, и идеями *конструктивистской эпистемологии*, которая совсем в другом смысле говорит и о конструктивности, и о конструировании. Единственная слабая параллель между ними – в том, что оба противостояли реализму. Однако реализм в философии и реализм в искусстве – это все-таки не одно и то же.

Сказанное относится и к тенденции приписывать конструктивизм различным философским учениям прошлого. Безусловно, можно найти множество параллелей в идеях современных конструктивистов и философов далекого прошлого. Так, Э. фон Глазерсфельд находит такие параллели в учениях досократиков и скептиков, которые первыми осознали зависимость картины мира от воспринимающего существа (сообщества) и усомнились в возможности знания мира «как он есть на самом деле»; Вико он называет «первым истинным конструктиви-

стом», убедительно показавшим, что мы можем знать конечную истину лишь в отношении того, что сами сотворили; Канта же, с его идеей априорности мыслительных категорий и идеей «вещей-в-себе», фон Глазерсфельд называет в числе главных предшественников конструктивизма¹. Однако при всей схожести позиций конструктивизм – это все же явление, возникшее в XX веке. Он имеет свое проблемное поле, свою методологию, свой язык и свою аргументацию, основанную преимущественно на современных психологических, социологических, антропологических, лингвистических и нейробиологических исследованиях. В этом смысле притягивание некоторых традиционных проблем эпистемологии при обсуждении конструктивизма, равно как и приписывание его философам далекого прошлого, мы считаем далеко не всегда корректным.

Корни и ветви конструктивизма

Множество теорий, образующих идейное пространство парадигмы конструктивизма, можно достаточно определенно разделить на три направления: конструктивизм в узком смысле слова, радикальный конструктивизм и социальный конструкционизм (см. рис.1). Все три направления исторически развивались в значительной мере независимо от друг от друга, опирались на различные постулаты, традиции и исследования, и несколько по-разному подходят к тому, что считать реальным и существующим.

Конструктивизм. К данному направлению относят: генетическую эпистемологию Ж.Пиаже, личностный конструктивизм Дж. Келли, теорию категоризации Дж. Брунера, феноменологическую социологию знания П. Бергера и Т. Лукмана, теорию социальных систем Н. Лумана. В качестве теорий, близких конструктивизму и в некотором роде предвосхитивших его, называют феноменологическую социологию А. Шюца, символический интеракционизм Дж. Мида, а также культурно-историческую психологию Л.С. Выготского. Данное направление появилось и получило свое развитие в 50–60 годы XX века преимущественно в психологии и социологии.

Радикальный конструктивизм. Данную группу теорий образуют: коммуникационный конструктивизм П. Ватцлавика, радикальный конструктивизм Э. фон Глазерсфельда, эпистемология замкнутости Х. фон Фёрстера, теория автопоэтических структур У. Матураны и Ф. Варелы, нейробиологический конструктивизм Г. Рота. В обосновании своей позиции сторонники радикального конструктивизма обращаются не только к психологии и антропологии, но и к таким со-

¹ Фон Глазерсфельд Э. Введение в радикальный конструктивизм // Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма: Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Munchen: Verlag Munchen, 2000.

¹ Lincoln Y.S. Guba E.G. Paradigmatic controversies, contradictions and emerging confluences // The handbook of qualitative research. Second edition / Ed. by N.K. Denzin and Y.S. Lincoln. Thousand Oaks, CA: Sage, 2000. P. 163–188.

² Watzlawick P. Die erfundene Wirklichkeit. Munchen: Piper Verlag, 1981.

³ Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма: Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Munchen: Verlag Munchen, 2000.

временным теориям и дисциплинам, как кибернетика, нейробиология, теория коммуникации, теория систем и самоорганизации (идеи Н. Винера, Р. Эшби, Г. Бейтсона и др.). Время рождения этого направления приходится примерно на середину 70-х годов XX века.

Социальный конструкционизм. Родоначальниками этого направления являются К. Герген, Р. Харре, Дж. Шоттер. Родственными этому направлению выступают: дискурсивная психология Дж. Поттера и М. Уэзерелл, нарративная психология Т. Сарбина и позднего Дж. Брунера, теория диалогического «я»¹ Г. Херманса. Помимо идей постмодернизма и постструктурализма, сторонники данного направления опираются на нарратологию, герменевтику, философию диалога, на теорию речевых актов, литературоведение (идеи Ницше, Витгенштейна, Фуко, Бахтина и др.). Социальный конструкционизм возник в рамках социальной психологии в конце 70-х годов XX века.

Рассмотрим подробнее каждое из направлений.

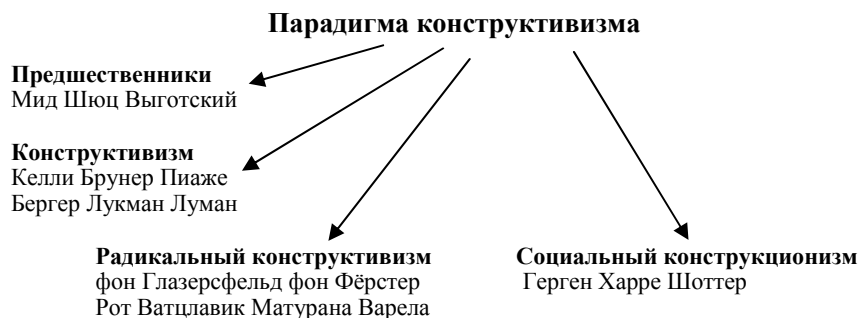


Рис. 1. Имена и направления, образующие пространство парадигмы конструктивизма

¹ Здесь и далее по тексту мы используем строчное написание («я»), восходящее к работам М.М. Бахтина и, с нашей точки зрения, более подходящее для перевода понятия диалогического «я» Г. Херманса (который в личной беседе подтвердил предпочтительность такого перевода). Такое написание снимает всевозможные метафизические прочтения понятия, которые навевает заглавное «Я». Последнее отсылает нас к классической трактовке, идущей от картезианства к неокантианству и к русской религиозной философии: к представлению о Я, как о некоей надэмпирической, трансцендентальной инстанции, внутренней, духовной сущности, внесоциальной и надкультурной. Г. Херманс, отталкиваясь от идеи М.М.Бахтина, противопоставляет свою теорию такому пониманию и трактует «я» как сложную полифоническую структуру, имеющую нарративную природу, формирующуюся в общении с другими людьми и образованную сплетением множества «голосов» (*Hermans H.J.M. The Dialogical Self: Toward a Theory of Personal and Cultural Positioning // Culture & Psychology. 2001 Vol. 7(3). P. 243–281*). В целом, строчное написание таких понятий, как «я», «истина» и ряда других, отражает резкий поворот к прозаизации философского языка, который произошел в 30-е годы прошлого столетия и затронул практически все основные философские направления того времени: герменевтику, диалогическую философию, экзистенциализм, лингвистическую философию.

Конструктивизм (в узком смысле): язык, культура и способы категоризации мира

Конструктивизм в узком смысле (Пиаже, Келли, Брунер, Бергер и Лукман и др.) – это разнородная группа теорий, созданных в психологии, социологии, философии, которые подчеркивают идею неотражательной, конструктивной природы познания, языковую и культурно-историческую обусловленность сознания, опосредствованность познания и понимания мира индивидуальными конструктами, формируемыми в онтогенезе, идею конструктивного альтернативизма (множества способов концептуализации событий) и плюрализма истины.

Центральная идея этого направления – представление о познании не как об отражении и репрезентации, но как об активном построении в сознании субъекта образа познаваемых предметов и событий. Как отмечал Дж. Келли: «События не приходят к нам и не говорят, что и как надо делать, – они просто идут своим чередом. Если что-то и управляет нашими мыслями и действиями, так это созданная нами структура»¹. Ж. Пиаже на материале экспериментальных исследований показал, что познание предполагает редукцию нового опытного материала к существующим уже сенсомоторным и концептуальным структурам, сложившимся у человека в онтогенезе².

Одно из ключевых понятий данного направления – понятие конструкта (категории, категоризации и т.п.), от которого и происходит понятие «конструктивизм». В общем смысле, конструкты – это способы истолкования мира, своеобразные классификационно-оценочные шаблоны, которые человек создает для предсказания событий и через которые он воспринимает мир. В более узком операциональном смысле Дж. Келли трактовал конструкты как индивидуальные биполярные значения (например, «хороший–злой», «крутой–лузер» и т.п.), в которых мы описываем/оцениваем происходящее³. Важно заметить, что в конструктивизме еще признается возможность более и менее адекватного соответствия конструктов (знаний) реальности и, как следствие, возможность более и менее подлинных знаний, теорий, истолкований. «Существуют разные способы истолкования мира. Одни из них бесспорно лучше, чем другие. С нашей, человеческой точки зрения, они лучше потому, что способствуют более ясным и точным предсказаниям в отношении большего числа событий <...> Так как абсолютное истолкование мира неосуществимо, мы вынуждены будем довольствоваться рядом последовательных приближений к нему»⁴.

¹ Келли Дж. Теория личности: психология личных конструктов. СПб.: Речь, 2000. С. 32.

² Пиаже Ж. Генетическая эпистемология. 5-е изд. СПб.: Питер, 2004.

³ Келли Дж. Указ. соч.

⁴ Там же. С. 25.

Радикальный конструктивизм: коммуникация, самоорганизация и построение моделей мира

Радикальный конструктивизм (Ватцлавик, фон Глазерсфельд, фон Фёрстер, Матурана Варела, Рот) – эпистемологическая позиция, основанная на идеях конструирования воспринимаемого мира живой системой, информационной замкнутости и самореферентности когнитивных систем (способности к самоописанию и замкнутости на самих себе), принципе пригодности и жизнеспособности знания, неотделимости наблюдателя от наблюдаемого, идее автопоэза (способности системы к производству и поддержанию своего порядка благодаря собственной активности).

Отличие позиции радикального конструктивизма от конструктивизма в узком смысле – в достаточно крайней (с точки зрения распространенных теорий познания и здравого смысла) формулировке идеи конструирования знания, а также в смещении акцентов с анализа влияния культуры на анализ характеристик биологических организмов, нервной системы и мозга. Сторонники данного направления говорят о невозможности получения знаний извне, невозможности какого-либо переноса, открытия, отражения, отображения действительности, связывая это с информационной замкнутостью живых организмов – невозможности выйти за пределы создаваемой ими когнитивно картины реальности. С этой точки зрения, наши знания отражают специфику структурной и функциональной организации нашего организма, нервной системы, мозга и языка в контексте их взаимодействий со средой. Центральная идея радикального конструктивизма заключается в том, что знание представляет собой не картину объективной действительности, а скорее определенный способ организации и согласования собственного опыта в процессе жизнедеятельности¹. Именно поэтому вместо понятия «соответствие действительности» в эпистемологии и понятия «адаптации организмов к действительности» в биологии, фон Глазерсфельдом предлагает понятия *пригодности* (знаний, теорий) и *жизнеспособности* (организмов, когнитивных структур).

Многие из ключевых понятий радикального конструктивизма заимствованы из кибернетики. Так, идеи круговой причинности, информационной замкнутости и самореферентности являются центральными в концепции Х. фон Ферстера, объясняющей феномены кругообразности сознания, «я», когнитивных процессов, теорий познания². Важное место в аргументации радикального конструктивизма занимает идея автопоэза У. Матураны и Ф. Варелы – способности живых систем к автономному поддержанию целостности, к образованию но-

вых компонентов и свойств через сеть взаимодействий собственных же компонентов (рекуррентное взаимодействие клеток организма, нервной системы, элементов языка). С этой точки зрения, сознание, интеллект, рефлексия – суть феномены языковой рекурсивности¹.

Социальный конструкционизм: сообщество, дискурс и формирование идентичности

Социальный конструкционизм (Герген, Харре, Шоттер и др.) – это направление в социальных науках, признающее первостепенную роль дискурса и отношений между людьми в конструировании ими мира и собственного «я», необходимость отказа от представления о всеобщих абсолютных истинах, эталонах поведения и психологических процессах, рассматривающее последние в привязке к культуре и истории конкретных сообществ, призывающее к многоголосию и взаимообогащению различных дискурсов (языков и способов интерпретации мира), к демократизации и социальному преобразованию сознания людей.

Социальный конструкционизм находится в оппозиции к традиционной для западной философии и когнитивной науки трактовке знания как продукта восприятия и рационального мышления познающего субъекта. Именно в этом месте социальные конструкционисты расходятся с представителями конструктивизма и радикального конструктивизма. Мы конструируем мир не индивидуально в своем сознании, а совместно – в разговоре, соглашениях, социальных практиках². Отмечая ценность конструктивистских теорий, социальные конструкционисты критикуют их вместе с другими подходами в психологии: за акцентирование роли индивидуального познающего субъекта и индивидуальных конструктов в построении образа мира (а не сообщества и дискурса); за некритичное принятие как само собой разумеющегося существования различных психических структур; за признание превосходства одних «конструкций» реальности над другими³.

С точки зрения социального конструкционизма, все, что мы считаем существующим, реальным, ценным, красивым, правильным, достойным для научного или духовного постижения, конструируется по-

¹ Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

² Улановский А.М. Теория речевых актов и социальный конструкционизм // Постнеклассическая психология: Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. 2004. № 1. С. 88–98.

³ Gergen K.J. Realities and relationships: soundings in social construction. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1994; Raskin J.D. Constructivism in psychology: Personal construct psychology, radical constructivism, and social Constructionism // American communication journal. 2002. Vol. 5. Issue 3.

¹ Фон Глазерсфельд Э. Указ. соч.

² Цоколов С. Указ. соч.

средством языка в отношениях с другими людьми. Различные конструкции мира тесно связаны с внутригрупповым согласием в различных сообществах (этнических, профессиональных, научных, религиозных) по поводу того, что существует и что ценно. Таким образом, ключевыми для социального конструкционизма становятся понятия сообщества, отношений между людьми, социальных конвенций, языка, дискурса, нарратива, диалога, социальных практик. Социально-конструкционистские исследования, по словам К. Гергена, обращены к пониманию способов производства того, что мы считаем объективным знанием; к изучению литературных и риторических приемов обоснования; освещению идеологической и ценностной нагруженности того, что считается само собой разумеющимся; к определению исторических корней различных форм понимания, исследованию диапазона изменчивости человеческих смыслов в разных культурах¹. Подобного рода исследования относят к группе «качественных исследований» – современной, быстро развивающейся области методологии психологии и социальных наук².

Базовые положения парадигмы конструктивизма

И. Линкольн и И. Губа дают достаточно емкую характеристику парадигмы конструктивизма как парадигмы, которая предполагает релятивистскую онтологию (признание существующими множества локальных сконструированных реальностей), субъективистскую эпистемологию, преимущественно качественную методологию, и преследует цели социальной критики, рефлексии и преобразования тех или иных социальных образований и жизни человека³.

Несмотря на существующие различия между направлениями конструктивизма, радикального конструктивизма и социального конструкционизма, можно выделить несколько базовых положений, являющихся общими для всех них. Эти положения касаются ключевых проблем эпистемологии (проблемы знания, истины и критериев качества знания). В тезисном виде мы бы сформулировали их так:

- 1) знание – это выстраивание;
- 2) истина множественна;
- 3) критерий «хорошего» знания – пригодность.

Рассмотрим каждый из тезисов подробнее.

Знание – это выстраивание. Безусловно центральная идея всех перечисленных направлений – идея *конструирования*, которая заложена

¹ Джерджен К.Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск: БГУ, 2003.

² Улановский А.М. Качественные исследования: подходы, стратегии, методы // Психологический журнал. 2009. № 2. С. 5–19.

³ Lincoln Y.S. Guba E.G. Op. cit.

жена в самом названии: конструктивизм/конструкционизм. Сами понятия «конструирование» и «конструкция» порождают сегодня много спекуляций, имеющих далекое отношение к конструктивизму, в силу чего мы считаем более предпочтительным использование менее претенциозных и более прозрачных по смыслу понятий: например, понятий *построения, выстраивания*. Достаточно сравнить: выражение «построение перцептивного образа (картины мира и пр.)», которое звучит вполне естественно для психологов, и понятие «конструирование образа», от которого веет идеей произвола, изобретательства и предельной субъективности процесса восприятия. Слово «конструирование» сегодня вызывает вполне обоснованные вопросы со стороны психологов. Что значит утверждение «мы конструируем мир»? Создаем ли мы то, что мы видим и с чем имеем дело? Об этом ли говорят конструктивисты? Как мы уже видели, за исключением позиции отдельных радикальных конструктивистов, речь идет несколько об иных вещах. Во-первых, мы по-особому выстраиваем и классифицируем объекты в силу особенностей нашего организма, когнитивных структур, наших действий и категорий языка, который мы используем для осмысления воспринимаемого (позиция конструктивизма в узком смысле). Мы разделяем и связываем, комбинируем и структурируем для себя определенным образом объекты мира и собственные переживания. Именно в этом смысле говорят, что мы конструируем мир, себя и объекты собственного научного исследования. Во-вторых, мы создаем различные конвенциональные социальные реальности, которые руководят нашим поведением, формируют нашу идентичность и на которых стоят все институты нашей общественной жизни – брак, мораль, закон и т.д. (позиция социального конструкционизма).

В этом отношении конструктивизм противостоит позиции *репрезентационизма*, в соответствии с которой наши знания являются формой репрезентации (отражения) некоторой независимой от нас объективной реальности. Это подразумевает, что сам воспринимаемый мир определяет характер наших знаний, и то, что мы способны нивелировать любые опосредующие инстанции (язык, культуру, специфичный аппарат человеческого восприятия, собственные измерительные приборы и т.д.) и видеть вещи такими, какими они существуют без нас, в действительности, или объективно. В целом, как отмечает Дж. Раскин, различные направления конструктивизма объединяет взгляд на знание как на интерпретацию – исторически обусловленную, а не безвременную, контекстуально верифицируемую, а не универсально валидную, лингвистически порожденную и социально-конвенциональную, а не просто когнитивно произведенную¹.

Истина множественна. В соответствии с позицией конструктивизма, истина принципиально множественна, альтернативна, культур-

¹ Raskin J.D. Op. cit.

но-исторически локальна, контекстуальна и ситуативна. Это означает, что не существует всеобщих, универсальных Истин вне отношения к позиции наблюдателя, социальным соглашениям и культурно-историческому контексту. В этом плане конструктивизм противостоит *фундаментализму* и *абсолютизму* в эпистемологии. Дж. Келли говорил о *конструктивном альтернативизме* как философской позиции, на которой основывается его теория личностных конструктов и терапевтическая практика: представления о том, что всегда возможны альтернативные истолкования, теории, конструкты, способы концептуализации и репрезентации событий¹. В радикальном конструктивизме истина и ложь, добро и зло также не рассматриваются внеконтекстными абсолютными ценностями, равно как и произвольными². Точно так же исследователи, придерживающиеся позиций социального конструкционизма, умеряют свои претензии на безграничную всеобщность, истину вне культуры и истории, факт без интерпретации³.

Никто не может претендовать на позицию, которую Х. Патнэм метко назвала «видением мира глазом Бога», а Т. Нэйджел называет «взглядом из ниоткуда»⁴ – взглядом независимого наблюдателя, лишённого какой-либо точки отсчета и рассмотрения, истинно объективным видением мира. Парадигма конструктивизма основывается на допущении о том, что наблюдатель неотделим от объекта наблюдения, природа смысла относительна, феномены контекстуальны, а процесс понимания является социальным, герменевтическим, качественным⁵.

Критерий «хорошего» знания – пригодность. Еще одно место, в котором сходятся различные теории и направления конструктивизма – представление о том, что конечным критерием качества знания является его *пригодность*. Дж. Келли пишет, что хотя альтернативные истолкования всегда доступны, некоторые из них определенно являются плохими инструментами⁶. Келли вводит понятие «диапазона пригодности» – того пространства реального мира, на котором данный конструкт или теория обеспечивает зону полезного действия. В свою очередь фон Глазерсфельд говорит о значительном шаге вперед, который делает радикальный конструктивизм по сравнению с традиционной теорией познания и когнитивной психологией, вводя на место критерия *соответствия* критерий *пригодности* (полезности, успешности, жизнеспособности). Познание не понимается больше как

поиск абсолютного (иконического) соответствия с онтологической действительностью, но лишь как поиск подходящего, пригодного образа действия, отвечающего целям организма и познающего субъекта. «Если какая-либо когнитивная структура не была отвергнута и по сей день, то это доказывает не более и не менее тот факт, что при данных обстоятельствах нашего опыта, она справляется с задачами, которые мы на нее возлагаем»¹.

К. Герген, опираясь на философию языка Л. Витгенштейна, говорит в этом отношении о своеобразном *неопрагматизме*: «Те или иные описания личности принимаются не потому, что они “истинны”, а, скорее, потому, что как осмысленные интерпретации они предлагают значимые варианты деятельности»². В самом общем виде социальный конструкционизм подталкивает к вопросу: что мы *выигрываем* или теряем от нашего способа жизни, который следует из того или иного взгляда? В этой связи, К. Герген предлагает психологам рассматривать социальную полезность своих теорий и создавать концепции, преследующие конкретные социальные цели.

Конструктивизм и отечественная психология

Несмотря на то, что отечественная психология на протяжении продолжительного периода связывала себя совсем с другими теориями познания и позициями (теория отражения, монизм и т.д.), за рубежом некоторые идеи отечественных психологов устойчиво относят к конструктивистским. Рассмотрим их, проведя некоторые аналогии с представлениями других конструктивистских подходов.

Прежде всего, следует сказать о взглядах Л.С. Выготского, который не без оснований рассматривается как один из родоначальников конструктивизма наряду с Ж. Пиаже и Дж. Келли. Целый ряд идей Выготского был серьезно воспринят и активно сегодня используется в самых различных направлениях конструктивистской ориентации (конструктивизме, социальном конструкционизме, нарративной, дискурсивной, культуральной психологии, теории диалогического «я»). Это и представление о том, что интрапсихическое производно от интерпсихического, что все высшие психические функции человека суть социальные отношения, отношения между людьми, перенесенные внутрь³. Опираясь на это представление, Герген и Харре говорят сегодня о психологических процессах как о формах координации, взаимодействия между двумя и более людьми⁴. Другая идея Выготского –

¹ Келли Дж. Указ. соч.

² Цоколов С. Указ. соч.

³ Джерджен К.Дж. Указ. соч.

⁴ Putnam H. Reason, truth and history. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.; Nagel T. The view from nowhere. New York: Oxford University Press, 1986.

⁵ Sexton T. L. Constructivist thinking within the history of ideas: The challenge of a new paradigm // Constructivist thinking in counseling practice, research, and training / Ed. by T.L.Sexton, B.L.Griffin. New York: Teachers College Press, 1997. P. 3–18.

⁶ Келли Дж. Указ. соч. С. 26.

¹ фон Глазерсфельд Э. Указ. соч. С. 81.

² Джерджен К.Дж. Указ. соч. С. 59.

³ Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983. С. 5–329.

⁴ Gergen K.J. Указ. соч.; Harre R. Metaphysics and methodology: Some prescriptions for social psychological research // European journal of social psychology. 1989. Vol. 19. № 5. P. 439–453.

идея знаковой, символической опосредованности (восприятия, запоминания, мышления и т.д.), употребления знака как решающего фактора в развитии сознания человека, зависимости осознания субъектом мира от сложности организации языковых значений, которыми он оперирует¹. В данном случае можно вспомнить о той роли знаков и их значений (конструктов, понятий) в конституировании сознания и социальной реальности, которая им придается в символическом интеракционизме Мида, феноменологии повседневного опыта Шюца, теории личностных конструктов Келли². Можно также упомянуть встречающуюся у Выготского метафору психики как органа отбора, решета, «процеживающего» мир и изменяющего его так, чтобы можно было действовать, субъективно искажающего действительность в пользу организма³. Данный тезис могли бы запросто принять в качестве основного своего постулата радикальные конструктивисты, за тем лишь исключением, что они избегают даже понятия искажения, исходя из того, что мы принципиально не можем проверить соответствие создаваемых нами когнитивно образов реальности их прототипу⁴.

Некоторые идеи А.Н.Леонтьева могут быть истолкованы в конструктивистском ключе, хотя назвать его «конструктивистом» было бы все же сильным преувеличением. Это и постоянно подчеркиваемая Леонтьевым идея *активности, пристрастности* субъекта и способа его «отражения» мира, а также центральное представление теории деятельности о том, что деятельностное существование оказывает решающее влияние на способ «отражения» мира субъектом⁵. В работах А.Н. Леонтьева, его коллег и учеников П.И. Зинченко, А.А. Смирнова, А.В. Запорожца, В.П. Зинченко, О.К. Тихомирова была экспериментально показана зависимость восприятия, памяти, мышления, эмоций от *действий и деятельности субъекта*, что позднее было описано как «принцип зависимости психического отражения от места отражаемого объекта в структуре деятельности»⁶. Эти идеи ощутимо перекликаются с идеей фон Глазерсфельда о познании как образе действия, как о результате целенаправленной деятельности субъекта, об оперировании как свойстве любой когнитивной сущности; с идеей Матураны и

Варелы о том, что мы не можем отделить историю наших действий (социальную и биологическую) от того, каким мир нам представляется; наконец, с императивом фон Ферстера: «Хочешь знать, учишься действовать»¹. Кроме того, Леонтьев развил идею Выготского о *значениях* как исторически сложившихся формах фиксации общественного опыта, через призму которых человек воспринимает мир и которые преломляют мир в сознании человека. Леонтьев отмечал, что через овладение значениями человек усваивает некоторую систему идей, некоторое идеологическое содержание, которое эти значения выражают. Данный тезис является центральным в теории дискурс-анализа, трактующей дискурс как систему фиксированных значений, опосредующих восприятие явлений и несущих в себе определенную идеологию². Наконец, нельзя не вспомнить представления позднего Леонтьева об образе мира, о построении в сознании индивида образа многомерного мира, в котором мы живем и действуем³.

Можно найти много общего с представлениями конструктивизма в работах современных отечественных психологов – В.П. Зинченко, Г.М. Андреевой, С.Д. Смирнова, А.Г. Асмолова, В.В. Знакова. Можно особо выделить работы В.Ф. Петренко, который один из первых в отечественной психологии и философии обратился к проблематике конструктивизма в рамках собственного психосемантического подхода, высказал ряд оригинальных конструктивистских идей и построил на них множество исследований политического, этнического и религиозного сознания⁴. Можно также упомянуть взгляды некоторых современных отечественных философов, которые в ряде положений близки к конструктивизму – к представлениям о неклассическом и постнеклассическом типах рациональности В.С. Стёпина, идеи неклассической эпистемологии В.А. Лекторского и социальной эпистемологии И.Т. Касавина⁵.

¹ Цоколов С. Указ. соч.; Матурана У., Варела Ф. Указ. соч.; Фон Ферстер Х. О конституировании реальности // Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Munchen: Verlag Munchen, 2000.

² Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ: Теория и метод. Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2004; Касавин И.Т. Дискурс-анализ и его применение в психологии // Вопросы психологии, 2007. №6. С. 97–119.

³ Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник МГУ. Серия Психология. 1979. № 2.

⁴ Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психол. журн. 2002. Т. 23. № 3. С. 113–121; Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2005.

⁵ Стёпин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000; Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: УРСС, 2001; Касавин И.Т. Социальная теория познания: Учеб. пособие. М.: УРАО, 2001.

¹ Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. С. 5–361.

² Mead G. Mind, self and society. Chicago: University of Chicago Press, 1934; Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004; Келли Дж. Указ. соч.

³ Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. С. 292–436.

⁴ von Glaserfeld E. Radical constructivism: A way of knowing and learning. London: The Falmer Press, 1995.

⁵ Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 4-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1981.

⁶ Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.; Воронеж: Ин-т практ. психологии, 1996.

Конструктивизм и философия буддизма

Обращение за аналогиями к восточной философии становится расхожим приемом в науке, хотя далеко не всегда эти аналогии бывают уместны и обоснованы. Их можно было без всякого ущерба опустить в данной работе, хотя они и напрашиваются сами собой уже при первом знакомстве с конструктивистскими теориями. Однако сами авторы последних указывают на наличие интересных и эвристичных параллелей. К слову скажем, что К. Герген посвятил целую статью обсуждению связи идей социального конструкционизма и буддизма и даже выступил соредактором сборника «Горизонты буддистской психологии»¹. А Ф. Варела в известной работе «Воплощенный разум», по сути, предпринял попытку описать буддистскую онтологию и эпистемологию на языке когнитивной науки, феноменологии и теории автопоза². Он выступил также одним из организаторов серии конференций и известных бесед с Далай-ламой о соотношении науки и буддизма, удостоившись от него глубокого признания³.

Сконструированность реальности. И для буддизма, и для конструктивизма основополагающим является признание *условности, сконструированности реальности*. Несмотря на существующие разногласия между различными учениями буддизма в отношении природы познания, все они сходятся в том, что познание конструктивно и креативно, что оно не столько обнаруживает свой объект, сколько создает его. Даже в наиболее «реалистичных» школах буддизма (сарвастивада и др.) обычное восприятие предметов трактовалось как результат конструирующей, созидающей активности ума, синтезирующей вместе разрозненные элементы существования (дхармы) в целостности и единстве⁴. Мир не таков, каким он кажется. Это положение усиливается в учении саутрантиков, не говоря уже о более поздних буддистских учениях мадхьямики и йогачары. Как отмечает А. Чаттерджи, характеризуя учение саутрантиков: «Даже чистый акт наименования вещи невозможен без конструирования ее как объекта – целого, состоящего из частей, частного, относящегося к классу, короче, без мыслительного конструирования (kalpana)»⁵. Важно заметить, что для буддизма, равно как и для индуизма, характерно также пред-

ставление о зависимости образа мира конкретного существа (насекомого, животного, человека) от его телесной организации и формы его обусловленности (кармы, индивидуальной истории), что имеет очевидные параллели с анализируемыми выше теориями.

Само собой разумеющиеся понятия. Еще одно общее место конструктивизма и буддизма – осторожное и критичное отношение к языку и понятиям, принимаемым за безусловную, доказанную и само собой разумеющуюся данность. Буддизм по праву можно считать одним из первых в истории примеров бескомпромиссного анализа, критики и развенчания разного рода метафизических, *некритически принятых понятий* в объяснении явлений природы и человеческой жизни. Как известно, буддизм усомнился в осмысленности и необходимости целого ряда категорий, ставших к тому времени центральными в Ведической традиции и вообще в философской мысли Древней Индии: «я», «душа» (атман), «личность» (пудгала), «Бог» (Брахман и пр.) и др. Кроме того, буддизм дискредитировал и отбросил такие категории как субстанциональность, универсальность, целостность¹. Эти же самые категории были подвергнуты ревизии, со своей стороны, социальным конструкционизмом. Одной из основных его целей стала деконструкция различных понятий западной классической науки, философии и культуры, в которых мы описываем мир и самих себя².

Взаимосвязь и соотносительность всего. Одна из базовых концепций, сформулированная школой мадхьямики и принимаемая сегодня большинством направлений буддизма – концепция *зависимого (обусловленного) возникновения*, согласно которой ни одно явление нельзя трактовать как возникшее и существующее само по себе. Любое явление, предмет, событие, действие, живое существо имеет существование, смысл и может быть определено лишь в контексте той сети отношений, в которой оно появляется. Именно этим объясняется сложность подхода буддистов к таким категориям как истина и ложь, часть и целое, тождество и различие, причина и следствие, вред и польза. Любое из перечисленных требует учета сложного контекста отношений, в который они вплетены. Как пишет сегодня Далай-лама, принятие более сложной картины мира, в которой видна тесная взаимосвязь всех вещей и событий, затрудняет рассуждение в абсолютных категориях³. Под всем этим, безусловно, подпишутся сегодня конструктивисты. И именно с этим связан упрек в адрес обоих анализируемых направлений в их релятивизме (хотя он лишь отчасти справедлив в отношении буддистской онтологии и совсем несправедлив в отношении буддистской этики и морального поведения). Общим здесь является метафора человека, пойманного с рождения в сети отношений,

¹ Gergen K, Hosking D.M. If you meet social construction along the road: A dialogue with Buddhism // Horizons in Buddhist psychology: Practice, research and theory / Edited by M.G.T.Kwee, K.J.Gergen, F.Koshikawa. Chagrin Falls, Ohio: Taos Institute Publications, 2006.

² Varela F., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge, MA: MIT Press, 1993.

³ Гоулман Д. Деструктивные эмоции: Как с ними справиться? Научный диалог с Далай-ламой. Мн.: Попурри, 2005.

⁴ Чаттерджи А.К. Идеализм йогачары. М.: Шечен, 2004.

⁵ Там же. С.16.

¹ Там же. С.11.

² Gergen K, Hosking D.M. Op. cit.

³ Далай-лама XIV. Этика в новом тысячелетии. М.: София, 2006. С.79.

из которых он не может просто так выйти. В одном случае речь идет о сети кармических связей, в другом – о коммуникативных и социальных, однако эффект их влияния на субъекта описывается схожим образом.

Отсутствие сущности вещей и «я». Еще одна известная доктрина буддизма – учение об «обезсущности» вещей, отрицающее наличие у предметов каких-либо глубинных сущностей. Буддистские комментарии к этой доктрине легко спутать с аргументацией социального конструкционизма, критикующего позицию «эссенциализма» в науке и культуре (поиска эссенций, подлинных сущностей вещей). «Когда мы ищем нечто, что можно было бы описать как глубинную сущность горшка, обнаруживается, что сущность его – и, по аналогии, всех других феноменов – в какой-то мере условна и определяется по договоренности»¹. Однако по-настоящему революционным шагом в философском и культурном смысле стало упразднение буддизмом самой неприкосновенной психологической инстанции – «я» (души, самости) человека. Брахманистской концепции «я» (учение об атмане, атманавада), буддисты противопоставили концепцию отсутствия «я» (анатманавада), которая утверждает, что не существует какой-то особой отдельной самобытной сущности, инкапсулированной в теле и соответствующей слову «я» из нашего лексикона. Соответственно этому вера в тождественность, непрерывность, постоянство, единичность «я» признается буддистами иллюзией. Сегодня об этом же говорит целый ряд концепций конструктивистской ориентации. Наиболее известная из них – теория диалогического «я» Г. Херманса, которая говорит о множественных «я», образующих в человеке сложную многоголосую полифоническую структуру и сменяющих друг друга во времени и в различных социальных контекстах². Ф. Варела же с коллегами напрямую обращается к буддистской теории «пяти скандх», или пяти совокупностей опыта, и, развивая ее, высказывает предположение о том, что «я» является эмерджентным самоорганизующимся свойством этих совокупностей. Для обоснования своих идей он, в частности, использует известную модель «сообщества разума» М. Мински и С. Паперта, в которой сознание рассматривается как собрание множества «агентов», оперирующих с ограниченным кругом проблем и способных связываться и образовывать распределенные сети с распределенными когнитивными функциями³.

Пробужденное общество. Среди прочих аналогий можно упомянуть еще одну, касающуюся – правда, в большей мере – социального конструкционизма, чем других направлений конструктивистской ориентации. И буддизм, и социальный конструкционизм – это, скорее,

формы практики (медитативной и социальной, соответственно), нежели теоретические постулаты и концепции реальности. В отличие от других подходов, как указывает сам К. Герген, данные формы мировоззрения не содержат мудрость, вне конкретных форм практики и действия¹. Социальный конструкционизм схож в своих устремлениях с буддистской традицией махаяны. Последняя, как известно, признает в качестве высшего идеала и цели духовной практики не столько индивидуальное освобождение человека (как это принято в хинаяне), сколько становление «пробужденного общества». Это характерно и для социального конструкционизма, равно как и борьба с «я» – с ориентированным индивидуализмом и привычкой рассматривать «я» в качестве центральной единицы общества². И для буддизма, и для социального конструкционизма глобальная гармония и благополучие общества признаются конечной целью.

Конструктивизм и качественные исследования

Разработка конструктивистских идей тесно связана с развитием методологии «качественных исследований» в социальных науках. В данном случае можно говорить об их взаимовлиянии: с одной стороны, качественные исследования дают необходимое обоснование постулатам конструктивизма; с другой – конструктивизм признается одной из базовых парадигм качественных исследований³. *Качественные исследования* – это название относительно новой и самобытной области исследований в социальных науках, отличающейся своеобразием теоретических оснований, этических установок, методологических решений, используемых принципов и процедур⁴. Одна из центральных линий этих исследований – изучение специфики мироощущения, дискурса и способов жизни разного рода культур и сообществ, в частности, нетрадиционных или маргинальных сообществ (этнических, религиозных, профессиональных и др.) с целью демонстрации, анализа и понимания их способа видения мира.

Качественные исследования относят, с одной стороны, к области *мягкой методологии* (soft methodology) в силу отсутствия в них той

¹ Gergen K, Hosking D.M. Op. cit.

² Gergen K, Hosking D.M. Op. cit.

³ Lincoln Y.S. Guba E.G. Op. cit.; Denzin N.K., Lincoln Y.S. Introduction: The discipline and practice of qualitative research // The handbook of qualitative research. Second edition / Ed. by N.K. Denzin and Y.S. Lincoln. Thousand Oaks, CA: Sage, 2000.

P. 1–28.

⁴ Улановский А.М. Качественные исследования: подходы, стратегии, методы // Психологический журнал. 2009. № 2. С. 5–19.

¹ Далай-лама XIV. Указ. соч.

² Hermans H.J.M. The Dialogical Self: Toward a Theory of Personal and Cultural Positioning // Culture & Psychology. 2001. Vol. 7(3). P. 243–281.

³ Varela F., Thompson E., Rosch E. Op. cit.

строгой стандартизации процедур сбора, обработки и анализа данных, которая характерна для большинства количественных исследований. В то же время качественные исследования – это нечто больше, чем просто раздел или разновидность методологии. Это широкое реформистское движение, которое возникло в начале 1970-х годов в академической науке и включает в себе ряд новых парадигмальных формулировок и комплексную эпистемологическую, методологическую, политическую и этическую критику традиционных исследований в социальных науках, которые отдавали предпочтение экспериментальным, квазиэкспериментальным, корреляционным и опросным стратегиям исследования¹. Это – движение, выступающее с критикой и развенчанием всевозможных дискриминирующих теорий, взглядов, стандартов, подходов и методологий исследования отдельных людей и сообществ. Как отмечается, это движение стало «домом» для представителей самых различных наук и научных направлений, которые объединяет общее непринятие различных видов сциентизма, эмпиризма, гипотетико-дедуктивизма, фундаменталистской эпистемологии, инструменталистских объяснений, безмерной квантификации и философской антропологии невовлечения, которые характеризуют «мэйнстрим» социальных наук².

Как пишет Т. Швандт, для некоторых исследователей «качественный подход» стал местом, где защищаются преимущества социального и гуманитарного исследования, – такие, как верность феномену, уважение к жизненному миру человека, внимание к мелким деталям повседневной жизни человека или его переживаний. Других привлекает то, что «качественный подход» – это место, где сегодня ведутся оживленные споры о целях социальных наук и о том, что вообще значит «знать» социальный мир и человека. Многие привлекаются также тем, что в этой области ведется интенсивное обсуждение ряда оригинальных теорий и подходов, не получивших достойного развития в социальных науках. Наконец, многие современные исследователи рассматривают качественные исследования как место для экспериментирования с эмпирическими методологиями разного рода и текстуальными стратегиями написания, вдохновляясь постмодернистским и постструктуралистским мышлением³.

Помимо общей и чисто формальной характеристики качественных исследований как использующих преимущественно слова (а не числа)

в качестве данных и средств анализа, можно выделить целый ряд более содержательных их особенностей¹. Среди них: (1) предпочтение полевой формы работы: фокусирование на повседневных феноменах в их естественной обстановке, предполагающее интенсивный длительный контакт с «полем» или с живой ситуацией; (2) обращение к социальному контексту: привлечение и углубленный анализ социального, культурного, исторического, идеологического, политического контекстов, а также коммуникативного контекста взаимодействия исследователя с исследуемыми людьми; (3) стремление к богатству и холизму описания: получению максимально полных, детальных, многосторонних, систематичных, целостных описаний изучаемого феномена; (4) интерес к единичным случаям: к исключительным феноменам и различным идеальным, крайним или, наоборот, характерным типам (представителям некоторых сообществ и т.п.); (5) индуктивный подход к данным: «заземление» и фундирование теорий, избегание использования заранее сформулированных обобщений, теорий, гипотез; (6) гибкость и отсутствие жесткой стандартизации: относительно слабая стандартизуемость инструментария, признание исследователя главным «измерительным прибором»; (7) трактовка исследуемого человека как эксперта (своей жизни, переживаний, своей культуры и сообщества, специфики использования некоторого дискурса и т.п.), а не как наивных и пассивных испытуемых; (8) повышенное внимание к языку (речи, тексту, коммуникативным единицам, дискурсу, нарративам): рассмотрение естественного и повседневного языка как наиболее аутентичного средства описания переживаний, культуры и сообществ, привлечение оригинального языка исследуемых; (9) ориентация на изучение смыслов, которые люди придают предметам и событиям собственной жизни, и переживаний, связанных с ними; (10) опора на рефлексивность исследователя – открытое обращение исследователя к собственной субъективности и рефлексии своих наблюдений, переживаний, личного опыта, языка, знаний, допущений, исследовательской позиции, этнической, культурной и половой принадлежности.

Качественные исследования образуют сложную многометодную и междисциплинарную область исследований. Они апеллируют к самым различным теориям, подходам и традициям: к социальному конструкционизму, постмодернизму, теориям дискурса и дискурс-анализа, нарративным теориям, теориям культуры и культуральной психологии, феноменологии, символическому интеракционизму, этнометодологии, феминистским теориям познания. Соответственно этому выделяют целый ряд разновидностей, или *стратегий* качественных исследований: феноменологическое исследование, биографическое, нарративное, этнографическое, «обоснованная теория», дискурс-

¹ Schwandt T.A. Three epistemological stances for qualitative inquiry: Interpretivism, hermeneutics, and social constructionism // The handbook of qualitative research. Second edition / Ed. by N.K. Denzin and Y.S. Lincoln. Thousand Oaks, CA: Sage. 2000. P. 189–214.

² Там же.

³ Там же.

¹ Улановский А.М. Указ. соч.

анализ и др. Собственно же к *методам* качественного исследования можно отнести четыре основных метода: неструктурированное интервью, наблюдение, анализ документации и аудиовизуальных материалов. Эти методы получают свою концептуальную рамку, имеют свой фокус интереса, понятийный аппарат и набор процедур анализа данных¹.

Заключение

В данной работе мы постарались максимально полно и всесторонне представить эпистемологию конструктивизма, которая завоевывает сегодня расположение ученых из самых различных социальных наук. Несмотря на возрастающий интерес к ней, она не относится к мейнстриму социальных наук, и вряд ли стоит ожидать в этой связи какие-то большие подвижки. Анализ современных тенденций в психологии (как науке, в которой конструктивистские позиции традиционно наиболее сильны) ясно показывает, что симпатии и ожидания психологов связаны сегодня с совсем другими эпистемологиями и направлениями – в первую очередь, с успехами когнитивной науки, являющейся доминирующим направлением в психологии последних десятилетий.

Тем не менее конструктивизм – чрезвычайно важное явление в науке и философии. Необходимая прививка конструктивизма от различных форм наивного реализма и упоенности красивыми метафорами, моделями и теориями уже возымела свое действие в социальных науках. Критика социальных конструкционистов в психологии была учтена и интегрирована другими подходами, так что сегодня даже психоаналитики и когнитивные психологи при анализе проблем психологии личности и познания делают сноску на язык, культуру и конвенции существующих психологических сообществ. Конструктивизм оказывает важную рефлексивную и критическую функцию в психологии и социальных науках. Он призывает социальных ученых строить свои исследования на стремлении к большей демократизации, на уважении к способам жизни и убеждениям, не являющимся традиционными в обществе; на рефлексии влияния собственной (исторической, расовой, национальной, половой) принадлежности; на развенчании дискриминирующих понятий, взглядов и подходов; на стремлении к большей свободе и самодетерминации.

¹ Улановский А.М. Указ. соч.